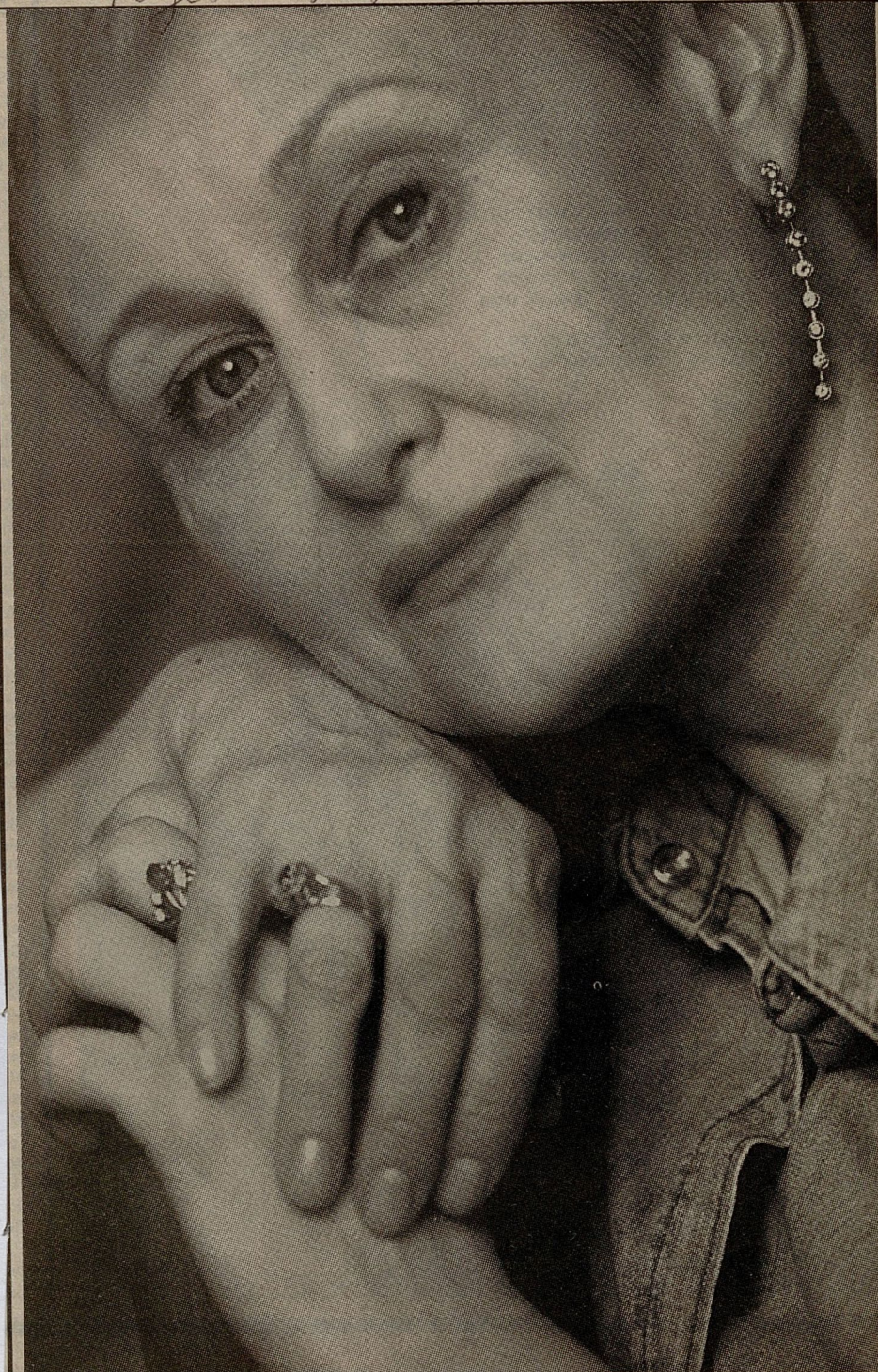

Дарья Донцова: «Я ничего не выдумываю. Я это вижу» Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

“мне голову пришили от Агаты Кристи”

Дарья Донцова — одна из самых известных сегодня массовых писательниц. И одна из самых плодотворных. Серии ее детективов «Любительница частного сыска Даша Васильева», «Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант», «Виола Тараканова. В мире преступных страстей» и другие продолжают выходить бесперебойно. С Дарьей Донцовой беседует обозреватель Газеты Николай Александров.

Почему ваши детективы пользуются популярностью, как вы думаете?
Это очень просто. Это сказки. Люди всегда любили сказки. Чтобы вначале — интересно, в середине — чуть страшно, а в конце — все бы совершенно замечательно закончилось. Это удивительная неправда, потому что в жизни обычно добро не побеждает зло. И, в общем-то, преступники не бывают наказаны. А у меня все наоборот. Когда человек читает мою книжку, у него возникает такое сладкое ощущение, что все исправится, все будет хорошо.

Вы себе представляете своего читателя?
Конечно. Я народный писатель. Не в том смысле, что великий, а в том — что я пишу для народа. Вы представляете себе рынок вещевой? Справа — женщины, которые торгуют. Слева — которые идут и покупают вещи. Я, в принципе, могла бы быть и справа, и слева. Я пойду в толпе — вы лицо мое не выделите. У меня те же проблемы. Мне также подчас не хватает на что-то денег, я также заклеиваю колготки лаком, если они у меня поедут. Я также с мужем ругаюсь, у меня проблемы с детьми или с начальством на работе — до недавнего времени. То есть я одна из этих женщин, и я для них пишу. Я никогда не была элитарным писателем, который пишет для узкого круга. Я пишу для всех, кто хочет отдохнуть, и от этого очень счастлива.

А существует техника создания такого рода вещей?
Вы знаете, я, честно говоря, перестала рассказывать журналистам правду. Потому что большинство из вас смотрит на меня как на городскую сумасшедшую. Это в лучшем случае. Но я ничего не выдумываю. Я это вижу.

Но ведь интрига...
Я не знаю ее, эту интригу. Я никогда не знаю конца. Но мне интереснее писать, чем вам читать, потому что вы, в принципе, можете это перелистать. А я нет.

Но ведь романы все-таки с чего-то начинаются?

Вообще-то началось с того, что я лежала в реанимации после пяти операций. Это пять наркозов, очень глубоких, потому что операции были полостные. На очередном выходе из наркоза, между сном и явью, я увидела, что в реанимацию входит женщина в шубке, в принципе, со знакомым мне лицом. Она идет. В руках у нее пакет — типа бумажного. И такие, знаете, туфельки. Я думаю: так, кто-то из моих подружек прорвался в реанимацию. А у меня такие подружки — они куда угодно пройдут. И тут у нее пакетик рвется и начинают пирожные валиться на пол. Она присаживается. Начинает их подбирать. Я чувствую, что у меня липкие руки. А с туфелек у нее падает снег. Я думаю: интересное дело. Июнь. Меня оперировали в июне. Снег-то откуда? Шуба норковая откуда? Только я подумала, она вышла в окно. У меня момент жуткого ужаса. Думаю: куда она делась? А затем вижу себя в машине. У меня по тем временам «Жигули», а я втыкаю ключ в руль. Не свойственное мне движение. Передачи не переключаю — у меня автомат. И у меня длинные носы у ботинок. Я нажимаю на педаль и при этом остатками мозга думаю: «Господи, как же в этих туфлях можно ехать?» И в этот момент я села, стала кричать: приведите психиатра, у меня раздвоение личности! Тогда пришел муж, очень крупный психолог. Он меня так похлопал. Сказал: не пугайся. Люди, которые видят Деву Марию, они ее и правда видят. Начал все объяснять, очень сложно объяснять. Добрался до буддистских монахов. И сказал, как этим можно пользоваться, чтобы картинка вертелась дальше. Но учиться было довольно сложно. Нужно было идти вместе с «ней». И у меня в первые моменты было: как будто я сажусь писать — и иду. Потом это прошло. На пятой книжке это вообще прошло. Еще была беда: я не могла это остановить. Я отвлекалась на что-нибудь — эта лента пролетала. Я возвращалась назад и понимала, что я въезжаю в совершенно иную ситуацию. Есть книжка «Дама с коготками» — она вся сделана из таких кусков. А теперь я могу картинку остановить. Могу толкнуть дальше.

А как вы думаете: чем женские рассказы отличаются от мужских (я имею в виду манеру рассказывания)? На что обращает внимание мужчина, а на что женщина?

Есть такой старый анекдот, как человек спрашивает дорогу, как пройти к такому-то дому. Сначала у мужчины. И тот ему начи-

нает объяснять: там будет пивная, потом магазин, где торгуют рыболовной снастью, а потом чуть дальше — фотомагазин. То же самое спрашивают у женщины. Она отвечает — там будет магазин «Молоко», потом «Детские товары», потом гастроном.

Людмила Улицкая в своей последней повести «Сквозная линия» утверждает, что мужское вранье рационально, а женское нет. Это так, с вашей точки зрения?

Я очень люблю Улицкую. У нее очень хорошая проза. Так что, если она считает, что это так, наверное, это так. Но мне в моей жизни встречались женщины, которые врали филигранно, которые выходили из очень щекотливых ситуаций с таким блеском. Например, у меня была соседка, еще на старой квартире. У нее был муж, работающий целыми днями. В середине дня он домой не приходил. Соседка сидела дома. Один раз муж неожиданно приехал. Позвонил ко мне в квартиру, говорит: «Что такое? Я ничего не могу понять. Я ей звоню, звоню... Ключ с той стороны торчит — она мне не открывает». Я сразу сообразила, в чем дело. Говорю: «Давай позвоним ей по телефону». Звоню, говорю, вот знаешь, такая ситуация. Она говорит: «Господи, боже мой, чего же он домой-то приехал? Скажи: я голову в ванной крашу. Сейчас смою краску и открою дверь». Я ему и говорю: «Голову моет. Ты попей чаю». Мы стали пить чай. Разговаривать. Через десять минут появилась моя подруга. С завязанной головой. В халате. Сказала ему: «Ну, вообще, молодец! Не мог позвонить, что ты едешь». На этом они и ушли.

А такого рода эпизоды часты в вашей жизни?

Я постоянно вляпываюсь в какие-то ситуации, совершенно идиотские. А потом, когда из них вылезаю, думаю: Господи, как же я в них попала-то?! Вот здесь я с моими героинями начисто сливаюсь. Ко мне недавно подошла дама. Взяла меня так за плечо, говорит: «Даш, на какой ноге у тебя протез?» Я отвечаю: «У меня протезов нет на ногах». Она говорит: «Да-а!» Я говорю: «Ну, вот, смотри, пожалуйста — ста» — подняла брюки. Она говорит: «А можно я пощупаю?» — «Ну, щупай». Она говорит: «А где у тебя протезы?» Я думаю: ага, она слышала звон — я не скрываю, что у меня была онкологическая операция. Я говорю: «Понимаешь, мне голову пришили от Агаты Кристи». И хихикаю. И на этом вхожу в вагон метро — это на платформе происходит. И вслед мне летит: «Да-а-а!»